

РУСЛАН КОШКИН

ВСЁ ТВОЁ — НАВСЕГДА С ТОБОЙ

ОСЕННИЙ ПЛЯЖ

Под напором разгульного сивера мечутся ивы,
словно загодя медью листвы от морозов и вьюг
откупиться пытаюсь. Но пасмурны их перспективы.
Это птицы на юг
могут взять и махнуть. А вот ивам — пора потрясений —
только и остаётся сносить неуёмную блажь,
лихоимство — ветров, засыпая тропу на осенний,
обезлюдевший пляж.

Не играть в ностальгию приехал сегодня сюда я,
не ушедшее лето с привольем его поминать.
Не за шалым экстримом, не пошлого ради свиданья.
И не на променад.
Здравствуй, пляж! Не высматривай каверз в нечаянном госте.
Вот — явился к тебе я как есть — без личин и затей.
Так приходит к изгою изгой помолчать об изгойстве.
Вот и я же за тем.

КОШКИН Руслан Леонидович — многократный участник форумов молодых писателей России в Липках, стипендиат Министерства культуры Российской Федерации (2009 г.), финалист литературного конкурса “Илья-премия” (2004 г.), дипломант VI Московского международного конкурса поэзии “Золотое перо” (2009 г.). Автор двух книг стихов “Чур” и “Подобру-поздорову”. Живёт в Кирове.

По песчаным ухабинам с палой листвой разметало
вперемешку стекло, целлофан и полиэтилен.
Ивы ивами, но ни копыя тут цветного металла —
только мусор и тлен.
Прибивается к суше волной и никак не прибьётся
чудо-рыбьим пузёрищем пластиковая бутылка —
неприкаянна, как неприкаян бывает пропойца,
угодивший в утиль.

И какую бы ауру зримое не излучало,
и какими б ни чудились нравы окрестной глуши,
этот скорбный пейзаж привлекательным стал не случайно
для скорбящей души.
Отщепенства отчаянней нет на земле положенья,
но при нём-то и видят реальность ясней очеса.
И, при всех “неудобствах”, отверженность эта блаженна,
Потому что честна.

СВОЁ

Беспокоиться не изволь:
не пройдут ни печаль, ни боль.
Или так: наряду с судьбой,
всё твоё — навсегда с тобой.

И печали, и боль, и крест.
Всё, что было, и всё, что есть.
Всё, что выписано в судьбе,
всё — твое, и навек — в тебе.

Всё, с судьбой твоей наряду, —
кровью писано на роду.
Потому тебе, человек,
своего не избыть вовек.

Потому и принять своё —
всё равно что изгнать навьё,
пасть и снова подняться ввысь,
погибать и опять спастись.

ИЗ РУИН

То ли тяжкие оковы пали,
цепь времён ли кто-то оборвал —
без пол-литры разберёшь едва ли,
да и с нею разберёшь едва ль.

Толковать о том — пустое дело:
правды всё равно не обозреть.
Что же я всё пялюсь обалдело
на страну свою — руин посредь?

Поклонюсь я на четыре ветра,
обмахнусь я знаменным крестом
и от жажды Божьего привета
из руин Ему воздвигну дом.

Чем бы ни были они доселе,
в четырёх стенах — не в мире сем.
Приходи, Господь, на новоселье —
Погостить, а лучше насовсем.

ТАМБОВСКАЯ ВОЛЧИЦА

Что воешь на луну с тоской?
С чего, тамбовская волчица?
Питаться кровушкой людской
вприпас не можешь наловчиться?

Как будто лютый кровосос
повадки приобрёл кликушьи
и голос до луны вознёс
так, что закладывает уши.

И чёрт бы, лютая, с тобой,
что завываешь без отбою.
Скликаешь, думают, на бой.
А то ведь накликаешь бойню.

Ощеристо ярятся дни,
матёро багровеют зори.
И, злобе бесовской сродни,
грозят кровавые раздоры.

И в тех раздорах голос твой
на брата поднимает брата,
и под протяжный волчий вой
растёт вселенская неправда.

Но если даже всюду — мор,
мороз и морок без просвета,
в конце, в конце концов — Фавор.
И воем не оспорить это.

* * *

Если статью не вышел, лицом уж тогда — хоть куда.
А когда и лицом не пригож — так умища палата.
Если нету царя в голове, так уж верно удал.
Коль и тем не богат, то душа-то уж всяко богата.

Приглядись позорчей — лепота-то какая вокруг:
не один, так другой — богатырь — моготы или духа.
Как ты, Дима? Привет, Алексей, без тебя как без рук.
Выше голову, Сашка! Гляди веселее, Андрюха!

Вот — один из народа, и он — не герой, не подлец.
Он — как все и не больше других перед миром оболган.
В общем, как ни крути, а не тем, так другим — молодец.
Молодец. Потому что других не бывает у Бога.

Осени его взглядом, и вот он — покой на душе.
Вот ведь как хорошо! Хорошо так, что плакать охота.
Ты же этого ждал. Разуверился было уже.
Вот оно и дошло. И другого не надо дохода.

ГОРЕЧЬ

Глушь пустыря и терния,
Ржавущий вездеход...
Образы запустения,
вон из моих стихов!

В сердце моём унынию
Места отныне нет.
С ним не вожусь отныне я.
Волчий ему билет.

Тлену и умиранию
душу не уступлю.
Горечь гоню заранее —
Отмашью: “Горько? — Сплюнь”.

Но по привычке снова
к отчине присмотрюсь —
и содрогнусь взволнованно,
и кулаком утрусь.

РЕКА

Откуда ты и куда ты течёшь — расскажи, река.
За отмелью плёс да омут, за омутом перекат...

Запрыгнул в лодчонку утром малый из простаков.
От берега оттолкнулся ногой, да и был таков.

И вышла на стрежень лодка, и покатилась вдаль.
И правил-то лодкой ловко малый, пока не сдал.

За каждым речным изгибом чудился зов судьбы,
таивший частенько то, что хотелось потом забыть.

И даже, бывало, мнилось мальцу, что течёт вода
из полного ниоткуда в полое никуда.

Но, веря в судьбу, а равно и в самого себя,
Гребец налегал на вёсла, уключинами скрипя.

Покуда гребец был в силе, ему потакал поток.
Когда же не стало мочи, усталъца поток отторг...

Откуда ты и куда ты течёшь — и зачем, река?
Ответь на вопрос прибитого к берегу старика.